

Читайте романы мастеров закрученного сюжета Анны и Сергея Литвиновых:

Осколки великой мечты
Быстрая и шустрая
Даже ведьмы умеют плакать
Кот недовинченный
Красивые, дерзкие, злые
Боулинг-79
Пальмы, солнце, алый снег
Наш маленький Грааль
Внебрачная дочь продюсера
Ревность волхвов
Ideal жертвы
Золотая дева
Я тебя никогда не забуду
У судьбы другое имя
Та самая Татьяна
Мадонна без младенца
Семейное проклятие
Изгнание в рай
Над пропастью жизнь ярче
Главная партия для третьей скрипки
Мертвые не лгут
Девушка не нашего круга
Я все скажу

Сериал «Авантюристка»

Отпуск на тот свет
Все девушки любят бриллианты
Проигравший получает все
Второй раз не воскреснешь
Предмет вождения №1
Оскар за убойную роль
Дата собственной смерти
Парфюмер звонит первым
SPA-чистилище
Вояж с морским дьяволом
Биография smerti
Девушка без Бонда
Три последних дня
Незримая связь
Джюльетта стреляет первой
Жемчужные тени
Вижу вас из облаков

Сериал «Спецкор отдела расследований»

Эксклюзивный грех
Рецепт идеальной мечты
Коллекция страхов прет-а-порте
Ледяное сердце не болит

Читайте романы мастеров закрученного сюжета Анны и Сергея Литвиновых:

Осколки великой мечты
Быстрая и шустрая
Даже ведьмы умеют плакать
Кот недовинченный
Красивые, дерзкие, злые
Боулинг-79
Пальмы, солнце, алый снег
Наш маленький Грааль
Внебрачная дочь продюсера
Ревность волхвов
Ideal жертвы
Золотая дева
Я тебя никогда не забуду
У судьбы другое имя
Та самая Татьяна
Мадонна без младенца
Семейное проклятие
Изгнание в рай
Над пропастью жизнь ярче
Главная партия для третьей скрипки
Мертвые не лгут
Девушка не нашего круга
Я все скажу

Сериал «Авантюристка»

Отпуск на тот свет
Все девушки любят бриллианты
Проигравший получает все
Второй раз не воскреснешь
Предмет вождения №1
Оскар за убойную роль
Дата собственной смерти
Парфюмер звонит первым
SPA-чистилище
Вояж с морским дьяволом
Биография smerti
Девушка без Бонда
Три последних дня
Незримая связь
Джюльетта стреляет первой
Жемчужные тени
Вижу вас из облаков

Сериал «Спецкор отдела расследований»

Эксклюзивный грех
Рецепт идеальной мечты
Коллекция страхов прет-а-порте
Ледяное сердце не болит

Одноклассники smerti
В Питер вернуться не все
Через время, через океан
Небесный остров
Несвятое семейство
Ныряльщица за жемчугом
Десять стрел для одной
Свадьбы не будет
#останься дома и стреляй!

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Многие знания — многие печали
Вне времени, вне игры
Аватар судьбы
Успеть изменить до рассвета

Сериал «Римма и Паша Синичкин, частные детективы»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний
Слишком много любовников
Почтовый голубь мертв
Грехи отцов отпускают дети
Брат ответит
Любить, бояться, убивать
Улыбка смерти на устах

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сериал «Высокие страсти»

Исповедь черного человека
Сердце бога

Бойтесь данайцев, дары приносящих
Здесь вам не Сакраменто
Тебя убьют первым

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени
Горький инжир
Карнавал насмерть
Продавец вечности

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!



eksmo.ru

МЫ В СОЦСЕТЯХ:



eksmo



eksmo.ru

Редактор серии *А. Антонова*
Дизайн обложки *С. Курбатова*

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 Я все скажу / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-171457-4

Убит знаменитый актер Андрей Грузинцев — в своем особняке, на собственном юбилее, в окружении семьи и многочисленных гостей. С его пальца исчез старинный перстень.

И лишь единственный гость на празднике, поэт Богоявленский, знает, сколь знаменито и драгоценно это кольцо, некогда принадлежавшее самому Пушкину.

Но Богоявленского задерживают по подозрению в убийстве. И неспроста — ведь у него было намерение похитить перстень.

Сможет ли он оправдаться, самостоятельно найти убийцу и заполучить волшебное кольцо, которое передавали друг другу лучшие российские поэты?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В., Литвинов С.В.,
2022

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-171457-4

*Наши дни: сентябрь 2021.
Николина Гора, Подмосковье, Россия*

...Когда свет наконец включился, бездыханное тело актера лежало на полу. Перстня на пальце его не было...

*История перстня (версия) — глава первая.
Более двухсот лет назад. Май 1820 года.
Санкт-Петербург, Российская империя*

Пушкин сел в самой непринужденной позе.

На душе его скребли кошки.

Хотя Милорадович принял его со всей любезностью. Ласково пожал руку, предложил опуститься в мягкие кресла, сам устроился напротив и, глядя на поэта, сердечно улыбался.

Но все же, все же, все же... Милорадович — военный генерал-губернатор Петербурга. После государя — в столице первое лицо. А противоправительственные, афеистические и возмутительные стихи, написанные юным стихотворцем Пушкиным, стали в последнее время слишком многим известны, широкое хождение приняли среди вольнодумной молодежи — да и не только молодежи!

Шпик недавно приходил на квартиру, где проживал юный пиит, и предлагал Никите, дядьке, пятьдесят рублей — огромные деньги! — за то, чтобы ознакомиться с тетрадами хозяина.

Тучи явно сгущались. И вот — вызов к самому генерал-губернатору, пусть на квартиру, в частном порядке — да все равно могло кончиться плохо. Сибирью, прямо скажем, попахивало.

И еще звоночек: принимал его Милорадович не в частном, партикулярном костюме, а в мундире, да с орденами: красный вензель, желтый погон, зеленый воротник.

Радужная улыбка боевого генерала, храбреца, жуира и бонвиана, хоть и вселяла надежды на благополучный исход дела, могла на деле оказаться обманчивой — кто знает, что на уме у этого красавца-серба, пятидесятилетнего старика, по-прежнему волочашегося, как в юности, за актрисками и балеринами!

С первых слов разговор, однако, складывался для двадцатилетнего стихотворца куда как благоприятно. Как часто случалось среди дворянского сословия, начался он с родства.

— Ну, бог мой! — проговорил храбрец-генерал любимую свою приговорку и оглядел юного Пушкина, словно любуясь им чуть не как собственным родственником, плодом чресл своих. — Вырос-то как, повзрослел! А я ведь, Лександр Сергеич, батюшку вашего, Сергея Львовича, да и дядюшку, Василия Львовича, хорошо знал. В Измайловском полку с обоими вместе служили-с. До вашего

рождения-с, *вследствие чего*, — повторил он еще одно свое любимое выражение, — не имел удовольствия вас, Александр Сергеич, тетешкать и нянчить.

Разговор и впрямь получался чуть не родственный, будто дядюшка с любимым племянником, с коим вечность не виделся, вдруг повстречался.

Что на подобные излияния генералу ответишь! Сказать, что и отец с дядей ему, в свою очередь, о нем говорили? Да ведь не сказывали они! Хотя, с другой стороны, кто Милорадовича, любимца Суворова, героя Отечественной войны и одного из победителей Буонапарте, не знает!

Ответствовал Пушкин выдержанно:

— Благодарю, Михаил Андреевич, за то, что помните родственников наших.

Милорадович смерил его взглядом, как бы говоря: эх ты скуп на слова, братец, со мною. Нешто боишься?

— У вас ведь, Александр Сергеич, первая книга из печати выходит? — вдруг любезно осведомился боевой генерал, весь усыпанный наградами: один орден Андрея Первозванного чего стоит.

— Да, довольно скоро. Уже печатается в типографии. Поэма, называется «Руслан и Людмила».

— Я, конечно, чрезвычайно далек от дел издательских да писательских, — продолжил генерал. — Но вот слышал я, что за рубежами нашего Отечества, в Англии, а в особенности в Северо-Американских Соединенных Штатах, литераторы, в видах привлечения внимания к своей новинке, зачастую устраивают вокруг сего предмета или

собственной особы какое-либо скандальное происшествие. *Вследствие чего* она книга начинает гораздо лучше расходиться.

Разговор принимал странный оборот.

— Надеюсь, моя пьеса будет иметь успех без подобных происшествий.

— О да, не сомневаюсь. Вся молодежь вас читает! И все же нота скандала никому еще из литераторов не мешала... Если б вдруг пошли вокруг вашей персоны различные разговоры... Кривотолки, слухи... К примеру, что пригласил вас генерал-губернатор санкт-петербургский, то бишь ваш покорный слуга, да и накричал на вас, к примеру? Разнос устроил? Или знаете еще, что про меня злые языки сказывают: дескать, имеется у меня прямо здесь, в кабинете, тайный люк. И люк этот иногда посредством особенного секретного рычага неожиданно раскрывается, *вследствие чего* персона, на прием ко мне приглашенная, падает в подвал — но не разбивается, потому как подстелена там, внизу, под люком оным, солома. Однако, когда окажется внизу неугодный мне посетитель, тогда якобы хватает его особый человек, заплечных дел мастер, да всыпает ему горячих!

Пушкин весь побледнел и приподнялся со стула, выпрямился гордо. Внутри все кипело, голос дрожал:

— В таком бы случае... В случае подобных разговоров пришлось бы мне, невзирая на ордена и седины ваши, милостивый государь, вызвать на

поединок и вашу особу — и всех прочих, кто о подобном происшествии хоть бы раз заикнулся!

— О, горяч, горяч! — воскликнул, словно любясь собеседником, Милорадович. — Ну, мой бог! Да вы не кипятитесь бы, Лександр Сергеич! Никто на афедрон ваш ни в буквальном смысле, ни в переносном покушаться не будет! Как вы там писали, в стихке-то вашем? Как бишь... Кто-то там жирный свой афедрон подтирает коленкором... А далее вроде так: «Я же грешную дыру не балую детской модой и какой-то жесткой одой, хоть и морщусь, да и тру...»¹ Хе-хе-хе...

— Не «какой-то», — вымолвил Александр Сергеевич, свирепо глядя исподлобья. Гнев его не прошел, лишь отчасти схлынул, — не «какой-то» одой, а «Хвостова жесткой одой».

— Хвостова? Ха-ха-ха! Этого сочинителя? Ну, мой бог! Значит, признаете? — воскликнул генерал-губернатор. — Признаете, что вы, Александр Сергеевич, и есть автор сих стихков? Про афедрон?

— Да ведь кто еще, кроме меня, столь легко да остроумно нынче напишет! — сверкнул очами поэт.

— Вот! А я говорил! — Хотя непонятно было, что, кому и когда говорил генерал. — Но ведь иные сплетники утверждают: что сия эпиграмма, названная в списках «Ты и я», в авторстве которой

¹ Неточная цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Ты и я».

вы сейчас признались, адресована не куда-нибудь, а... — Генерал поднял глаза до того высоко, что они аж закатились за верхние веки, и добавил полнейшим шепотом, еле шелестя губами: — Самому государю. А между тем, — голос его приобрел прежнюю чеканную силу, — особа государя-императора есть священная и неприкосновенная, *вследствие чего* — есть такое мнение — сочинителя этого и подобных пасквилей следует подвергнуть примерному наказанию, чтоб другим неповадно было.

— Да, пиеса эта моя, — спокойно проговорил Пушкин, — однако только люди, священную особу (как вы изволили выразиться) вовсе не уважающие, способны вообразить, что сей пасквиль к ней адресован. На деле же посвящен он моему другу-стихотворцу, да и все дела.

— Вот как! Ловко! — Непонятно было, что Милорадович имеет в виду: ловко сочинитель написал свою пиесу или отказался от обвинений? — А вот это, скажите, ваше сочинение? — Генерал вытащил из верхнего ящика письменного стола рукописный список. — Где тут, бишь. А, вот, помечено: «...Здесь Барство дикое, без чувства, без закона, Присвоило себе насильственной лозой И труд, и собственность, и время земледельца...»¹ — Оторвался от листка, взглянул орлиным взором, как бы говоря: «Что на это скажешь, приятель?»

— Да, стихи это мои, — с вызовом произнес поэт. Если бы в иные, более поздние времена про-

¹ А. С. Пушкин. «Деревня».

исходила эта встреча, можно было б написать, что поглядел он на генерала, словно «партизан на допросе». Но до жестоких допросов, которые еще воспоследуют в сих краях в двадцатом веке, оставалось плюс-минус целое столетие, поэтому уподобление сие сочтем здесь неуместным и развивать не будем. А поэт добавил:

— Мои эти слова. Как и следующие, из той же пьесы: «Здесь девы юные цветут для прихоти бесчувственной злодея!»¹

Поговаривали, что сам Милорадович, как и названный герой обличительной пушкинской «Деревни», будучи человеком холостым, утешается в объятиях дворовых девок. Не говоря уже о Катеньке Телешовой, звезде балета императорских театров, на тридцать лет и три года генерала младше, с коей как раз начинал он в те дни свой роман, оказавшийся впоследствии весьма продолжительным.

Однако напрасно Пушкин попытался смутить градоначальника. Совершенно не принял на свой счет пассаж о юных девах и бесчувственном злодее генерал-губернатор. Или сделал вид, что не принял. Продолжил дуть в свою дуду:

— Коротко говоря, толки о ваших возмутительных стихах дошли до самого государя, и его величество выразили свое ими неудовольствие. — Милорадович выдержал внушительную паузу, во время которой юный поэт изрядно побледнел.

¹ А. С. Пушкин. «Деревня».

Фрондировать, разумеется, можно сколько угодно, но сама идея о том, что первое лицо государства тобой и твоим поведением недовольно, любого храбреца способно оледенить. Слишком хорошо знал Александр, чем заканчивалось монаршее неприятие писаний Радищева или Новикова. Конечно, Пушкин не «Путешествие из Петербурга в Москву» создал и не журналы сатирические, однако его эпиграммы, пиесы да оды по совокупности легко могли привести в ссылку, а то и в Соловки или даже в крепость.

Милорадович продолжал:

— Вследствие неудовольствия эпиграммами вашими государь поручил мне призвать вас к себе и... — новая пауза: — по-отечески пожурить.

«Пожурить? И только?» — едва не воскликнул облегченно бедный сочинитель.

— Но я имел смелость высказать иное соображение, с которым его величество, вследствие размышления, согласились. Итак, мне было высочайше повелено, что вас, Александр Сергеевич, следует призвать на службу.

— Так ведь я служу! — недоуменно воскликнул бедный сочинитель.

— По коллегии иностранных дел, не правда ли? — со знанием дела спросил Милорадович.

— Да, коллежский секретарь.

— И в то же время вы, невзирая на молодость, один из выдающихся умов империи. Быстрый, ясный, острый, наблюдательный! Ваши стихи и суждения свидетельствуют о том, что вы, Александр

Сергеевич, личность самая незаурядная, и карьера, которая перед вами могла бы открыться, без сомнения, способна привести вас на самые высокие позиции в обществе и государстве!

— Боюсь, любезный Михаил Андреевич, служебный карьер, пусть самый блестящий, не впечатляет меня с такой же силою, как участь литератора, стихотворца.

— Но вот ваш знакомец, друг и тезка Грибоедов Александр Сергеевич — он не только литератор, но и служит нынче при посольстве России в Персии. *Вследствие чего* не только приносит несомненную пользу Отечеству своему, но и получает бесценный жизненный и человеческий опыт, который окажет, несомненно, влияние на его литературные занятия! А вы, Александр Сергеевич? Неужели не хотели бы послужить Отчизне своей — как мы служили ей на поле брани!

— Да, но сейчас никакой брани нет.

— Это только видимость, дорогой Александр Сергеевич. Брань, как вы говорите, а иными словами, соперничество между великими державами есть всегда. Постоянно между ними идут войны — порой незримые, но от этого не менее важные и кровопролитные... Впрочем, довольно предисловий! Я хочу, от имени государя, предложить вам миссию сколь же тайную, столь и важную, и опасную. О самом этом особом поручении никто не будет знать, кроме вас, меня и государя-императора. Поэтому прошу вас! Вы, разумеется, можете отказаться от предлагаемой вам миссии, но в таком

случае я попрошу сохранить мои слова в сугубой тайне.

— Я никому и никогда не давал повода усомниться в крепости моего слова.

— Сразу хочу предварить мой рассказ. Речь пойдет не о презренном шпионстве или предательстве. Но нам, государству и государю, нужен ваш свежий, цепкий взгляд. И ваш острый ум.

— О чем же вы говорите, позвольте осведомиться?

— На наши южные земли проник Враг. Там свила гнездо настоящая Измена. И речь не о масонских ложах и даже не о тайных обществах, которые во множестве благодаря милостивой снисходительности нашего государя стали появляться в державе нашей и в которые, насколько я знаю, и вас тоже успели едва ли не заманить друзья ваши. Бог с ними! Это все детские игры, не угрожающие Престолу и Отечеству. Беда заключается в том, что среди самых высоких чинов наших появился шпион, который информирует зарубежных недругов обо всех делах и приготовлениях государства нашего, в том числе тайных, дипломатических и военных. И миссия, которую сам государь, через мое посредство, имеет честь поручить вам, заключается в следующем: вам надобно выявить и разоблачить этого негодяя.

— Разоблачить? Но почему — мне?! Я стихотворец! Поэт! Гуляка праздный!

— Именно поэтому! Вы поэт — значит, у вас, Александр Сергеевич, острый ясный взгляд и бы-

стрый ум. Вы — стихотворец, да еще известный противуправительственными стихами, — значит, никто даже не заподозрит, что миссия по разоблачению иностранного конфидента¹ лежит на вас, значит, и он, оказавшись в вашем обществе, останется расслаблен и уверен в себе...

— Да смогу ли я?! По адресу ли вы обратились?

— Но у вас, боюсь, не остается особенного выбора. Поручение мое (и государя) будет для вас означать немедленный отъезд из столицы. Но удалиться вам придется в любом случае. Либо в края достаточно отдаленные — в качестве ссылки за ваши противуправительственные стихи. Либо для выполнения тайной миссии. Притом всем вокруг, и друзьям, и даже семье вашей будет объявлено, что вы удаляетесь из Санкт-Петербурга именно вследствие вашего поведения и в целях дальнейшего исправления. Лишь мы с вами и государь-император будем знать, что ваше изгнание связано с выполнением сугубо конфиденциального поручения.

— Куда же мне предстоит отправиться? И что делать?

— Я расскажу вам, что от вас потребуется. Вы же, в свою очередь, будете отчитываться о выполнении вашей миссии только лично передо мной либо перед человеком, кто покажет вам сей перстень.

¹ В те времена конфидентами именовали шпионов, действующих в интересах иностранных держав.

Генерал достал из потайного ящика небольшое кольцо, золотое, с сердоликом, наподобие масонского, с выгравированными на нем иудейскими письменами.

— Прошу вас хорошенько запомнить его, дорогой мой Александр Сергеич. Только тот, кто вам лично его предъявит где бы то ни было, имеет право требовать вашего отчета в связи с поручением, кое я и государь-император на вас накладываем. А сейчас — вот что вам надлежит сделать...

...Так как более мы не увидим одного из только что представших пред вами собеседников, коротко сообщим — в основном для тех, кто не слишком интересовался в средней школе историей, — как после этого разговора сложится судьба генерала от инфантерии и Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора Милорадовича.

Через пять с половиной лет, во время возмущения 14 декабря 1825 года, которое войдет в историю под названием «восстание декабристов», на Сенатской площади, убеждая солдат присягнуть новому царю Николаю, он получит (от декабриста Каховского) смертельное ранение из пистолета — с близкого расстояния, в спину.

Если же рассматривать судьбу генерала Милорадовича в духе популярной в последнее время альтернативной истории, то нельзя не признать, что воспитательно-вербовочная беседа с молодым поэтом Пушкиным, вполне возможно, явилась для него, генерала лично, — а может, и для всей

России — важнейшей развилкой. Ведь если б он юного стихотворца от лица государя-императора не простил, а, напротив, как предлагали многие, отправил в ссылку в Сибирь или хотя бы на Соловки, если б проявил с золотым пером страны необходимую (по мысли иных) суровость, что бы тогда произошло? Вряд ли поэт — летучий, легкий, горячий и очень южный (по происхождению своему и сути) — перенес бы кандалы, а также сибирский или северный климат. Следственно, мы бы потеряли его в юном возрасте и лишились «Евгения Онегина», «Полтавы», «Медного всадника» и прочих произведений, написанных зрелым поэтом. И не вдохновил бы он никакого Лермонтова на писание стихов, и Чайковскому неоткуда было бы черпать сюжеты для своих лучших опер — и, стало быть, история всей русской литературы, да и культуры в целом пошла бы по совсем иному руслу.

И, весьма вероятно, тогда, в 1820 году, общество, потрясенное суровостью, которое проявило правительство по отношению к мальчишке-поэту, поостереглось дальше пестовать и пополнять тайные собрания да масонские ложи, и в роковой день 14 декабря некому стало бы выводить полки на Сенатскую площадь. Весьма вероятно, восстания декабристов не случилось бы вовсе, и никакого Герцена они б не разбудили, и вся история России потекла бы по другому, возможно, более щадящему руслу.

А генерал от инфантерии и петербургский военный генерал-губернатор (с управлением и гражд-

данской частью) Милорадович Михаил Андреевич, живой и, в соответствии с возрастом, здоровый, продолжил бы утешаться в объятиях своей любимой балерины Катеньки Телешовой (на тридцать три года его младше). Возможно, взял бы ее в жены и прожил еще лет тридцать, пережив Николая Первого и застав даже царствование другого Александра, с порядковым номером Второй.

А может, и наоборот. Возможно, потрясенное расправой с молодым Пушкиным, передовое общество восстало бы против порядков в империи с гораздо большим жаром. Декабрьское возмущение увенчалось бы успехом, и царизм пал не в 1917-м, а в 1825 году!

*Прошло двести с лишним лет.
Наши дни: сентябрь 2021 года.
Пермский край.
Поэт Богоявленский*

Получалось, конечно, неплохо — даже прекрасно, можно сказать, — но чего-то не хватало. Ведь что самое основное в любом творчестве — пиитическом, прозаическом, всяком другом: художественном, музыкальном? Гармония и чувство меры.

Да, мера во всем. А в будущем романе ее приходилось только нащупывать.

Ясно, что два столетия назад люди из образованного сословия изъяснялись совсем не так, как нынче. Не говоря о том, что часто они вели меж-

ду собой беседы по-французски. Но не в вышеописанном случае. Пушкин-то, известно, чирикал на языке Вольтера, Дидро и Наполеона как бог. А вот вояка Милорадович изъяснялся, как мы знаем из воспоминаний, через пень-колоду. Поэтому тогда в Петербурге они явно беседовали по-русски.

Но вот стилизация под язык тех времен — насколько она допустима? Сам Пушкин уже тогда говорил и писал на совершенно сегодняшнем, ясном русском. Но если почитать письма или записки того же Милорадовича или, к примеру, генерала Инзова — бог мой, сколько там тяжеловесных оборотов! Интересно, насколько трудно понятна (или нет?) была устная речь у генерала? Или он шпарил как нынче — разве что современных словечек не вставлял?

И, конечно, для текста не хватало одушевления, вдохновения, полета.

Этот эпизод он, помнится, набросал году в седьмом-восьмом. Потом и его, и еще два-три отрывка на ту же тему у него выпросил, за хороший гонорар, иллюстрированный журнал «Аристократ». И теперь чувствовалось: пришла пора соединить все куски и обратить их в полновесный, яркий роман.

Годы, конечно, сказывались. Недаром солнце нашей поэзии говаривал: «Лета к суровой прозе клонят».¹ Совсем нечасто в последнее время слу-

¹ А. С. Пушкин. «Евгений Онегин».

чалось: кто-то сверху, словно сам Господь, диктует ему слова и фразы, только успевай записывать!

О, как это прекрасно было вначале, когда стихи свободно лились — порой ночь напролет, в родительской малогабаритке в Люберцах, когда он отвоевал для себя единолично отдельную *запроходную* комнату, расположенную за так называемым «залом», где посапывал брательник. А он у себя на диване, запершись на замок, марал и марал тетради, потом распахивал окно и жадно курил, вдыхая морозный воздух пополам с дымом сигарет «Кэмел». Как раз когда он начинал курить, появились, после московской Олимпиады, первые импортные сигареты, и он готов был последние полтора рубля, предназначенные на обед, отдать за буржуинский табак и ходить голодным, но гордо вытаскивать из кармана пачку с верблюдиком на этикетке. Теперь таких уже не делают, да и курить он давно бросил, а вот чувство полета и сигарета, как награда за ночной вдохновенный труд, — помнятся.

Тогда ведь даже не было такой проблемы, как сейчас: вызвать вдохновение. Оно снисходило к нему само по себе, слетало послушной Музой. Вернее, когда оно слетало, он бросался писать, а вот понукать себя, заставляя, подстегивать — не приходилось. Не счесть стихов и заметок, записанных им внутри разорванной мягкой сигаретной пачки или на салфетках из редакционных столовок — тогда, во времена советской нехватки всего и вся, губы порой утирали аккуратно нарезан-

ными срывами от типографской бумаги. Сколько раз спохватывался, что забыл блокнот, и, порой, только ключевые слова стихотворения записывал на внутренней стороне собственного предплечья — а сколько безнадежно забывал!

Теперь записная книжка всегда с собой — в виде функции «Заметки» в телефоне, можно даже не писать, а надиктовывать стихи или мысли... Да вот беда: нынче редко, особенно в сравнении со своей же юностью, припирает эта нужда — все брось и давай, строчи! Записывай, что тебе высшие силы откуда-то сверху, из своих сияющих пределов диктуют.

Сейчас наоборот: чтобы привести себя в рабочее состояние, нужно долго сидеть и бездумно скроллить социальные сети, шерстить интернет по заданной тематике или свои собственные предыдущие попытки перечитывать. И тогда — может, да, а может, и нет — затлеет что-то, задымится, как печка, которую разжигаешь в промерзшей, заледелой бане, когда холодный воздух в дымоходе сопротивляется морозным столбом всем твоим жалким попыткам раскочегарить охладившуюся за недели печь.

Но потом — все равно *приходило*, все равно *обрушивалось!* Оно — вдохновение, радость от работы, точность слова. И все искупало.

В сей момент-то ему возбуждать себя, приводить в рабочее состояние без надобности. Он читал свой собственный текст на планшете разве что затем, чтобы отгородиться от прочих седоков

микроавтобуса, не принимать участия в общем разговоре, и еще позлить видом планшета ценой почти в сто тысяч, который вряд ли кто-то из его коллег мог себе позволить. Впрочем, Виолетта Капустина, наверное, могла — та писала дамские романы, расходившиеся большими тиражами. Болезненно полная, она одна занимала целых два места в «Форде-Транзите», а сопровождавшая ее всюду девочка, то ли литературный секретарь, то ли агент, то ли редактор, подавала ей, когда та выходила из микроавтобуса, сразу обе руки, на которые дама опиралась всем своим полуторацентнеровым весом.

— Не тяжело? Эдак у вас ведь и руки отвалятся, — вполголоса насмешливо спросил девочку Богоявленский после одного такого десантирования.

Она в ответ только фыркнула и ожгла его взглядом — не только от хамоватой его реплики, а вообще от того, что нет, не оправдал Богоявленский возложенных на него ожиданий: импозантный поэт никак ее не выделил и никакого внимания на нее (единственную, честно говоря, достойную кандидатуру для ухаживания) не обратил.

Богоявленский своих коллег по цеху не любил. Потому что все они были такими же, как он: надменные особи с непомерно раздутым эго. Только при том (как искренне считал поэт) и писать-то толком не умели. Даром кичились и место занимали.

В делегацию входил странный и бледный детский автор (никогда не слышал имени!) и критикесса с тяжелой челюстью и мужицкими повадками: она говорила басом, ходила в широких штанах и ступала широким шагом. Ей для выступления предоставили самую маленькую аудиторию, и пришли к ней на лекцию человек десять. Теперь она бесилась и бросала гневные косяки на Богоявленского, который собрал полный зал. К писательнице Виолетте Капустиной тоже набилось изрядно, но меньше, да и несла она слезливую мелодраматическую чушь, перескакивая с пятого на десятое. К детскому писателю согнали школьников, и только он, поэт, имел большой и заслуженный успех. Правда, читал из старого, еще три десятилетия назад написанного, а два стихотворения последних лет, которые он включил в программу в качестве эксперимента, зал встретил недоуменным молчанием и жидким аплодисментом.

Богоявленский всегда откликался на предложения встретиться с читателями, даже в другой город съездить. Сначала, в тучные нулевые, ему предоставляли полет бизнес-классом и гостиницу пять звезд и возили всюду на «мерсе». Сейчас снизили планку — но он все равно соглашался. Все-таки попадаешь на люди, и можно встряхнуться, погарцевать, покрасоваться. Даже замутить с какой-нибудь провинциальной поклонницей, которая шалела, вдруг понимая, что он — звезда, москвич, поэт, небожитель — проявляет к ней

недвусмысленный мужской интерес. Но в этот раз и поклонницы были немолодые и страшенькие, и дамы из делегации никуда не годились, да и желания особого не охватывало. Вяло выступил, дежурно пошутил, раздал автографы. В киоске в вестибюле сказали, что продали тридцать пять его книг. Опять-таки кормили, поили коньяком, возили на экскурсии: домны, прокатный стан, дом-музей советского классика. Обещали десять тысяч заплатить переводом на счет индивидуального предпринимателя.

Да и впечатления, полученные от поездки, конечно, никто не отменял. Перед выступлением он прошелся по городку: бараки, пятиэтажки, «Пятерочки», «Магниты», новый, с иголки, собор и тщательно отреставрированный огромный ДК советских времен. На площади перед гостиницей прямо с перевернутых ящиков торговали мясом. Когда он вызывал местное такси, диспетчер спросила, подойдет ли ему «десятка» или он претендует на элитный «Ларгус».

...Микроавтобус свернул на окружную дорогу. Чувствовалось преддверие областного центра. Справа вдали потянулись окраины города, уставленные девятиэтажками. А вот и аэропорт.

Богоявленский первым выскочил из автобуса, не став дожидаться, когда ассистентка начнет выгружать огромную тушу Виолетты Капустиной. Подхватив у шофера свою сумку, он почти вбежал в здание аэровокзала. У него был свой план.

Сориентировался, подошел к транспортерам, где уже начали принимать багаж на их рейс. У стойки, где регистрировался «бизнес», никого не было. Он подошел, протянул паспорт.

— Могу я повысить класс своего обслуживания? — спросил. — До бизнеса, если можно.

Молодой человек в форме авиакомпании взял паспорт, нахмурился. Был он болезненно толст. «Надо же, еще один! Познакомить бы их с авторшей дамских романов — вот вышла бы парочка!»

— Да, можно. У вас наличные?

— Хотелось бы картой.

Молодой человек снова насупился. Наконец он пробормотал:

— А вам документ о повышении класса нужен?

— Нет, мне его никто не оплатит, если вы об этом.

— Тогда налом выйдет дешевле, — без обиняков пояснил обжора. — Если картой, четырнадцать тысяч. Налом — одиннадцать. Банкомат есть на втором этаже.

— Хорошо, я заплачу налом.

«Самая настоящая коррупция в действии. Интересно, как они поделят потом с бригадой бортпроводников мои денежки?»

Он побежал к банкомату. По большому счету с деньгами, как всегда, напряженка. И лететь до Москвы — всего часа три. А заработал он за поездку только десять. Но все равно: очень уж хотелось выделиться из ряда своих как бы коллег.

Он вытащил из банкомата три красных билета. «Еще и банкомат недружественный, комиссия придет за обналичку заоблачная, вот на кой черт так шиковать, да с кредитными деньгами!» И все равно: мог себя ругать сколько угодно, но остановиться был уже не в состоянии. Вернулся, запыхавшись, к стойке бизнес-класса. С огромным удовлетворением отметил, как кучкующиеся в общей очереди четверо: сентиментальная дама-гора с конфиденткой, критикесса и детский писатель — ревниво заметили его манипуляции у элитной стойки.

В обмен на одиннадцать тысяч толстяк выдал посадочный талон: место два Б — и впрямь бизнес. Кресла на самом первом ряду обычно придерживали до самого конца регистрации, в рассуждении: вдруг какому-то местному бонзе понадобится срочно отбыть в столицу.

«Бизнес» в «аэробусе» оказался совсем маленький и полупустой. А еще, дополнительная сладость, обычных пассажиров стали запускать через переднюю дверь, и, значит, все они проходили мимо развалившегося в кожаном кресле Богдавленского. Почти все незнакомые ему до толе пассажиры, особенно мужики, источали по отношению к нему классовую ненависть, бросали завистливые и ревнивые косяки — хотя многие проходили с такими сумками и в такой обуви, что запросто могли себе позволить не то что бизнес-класс, но и частным самолетом полететь.

А вот пожмотились, скупердяи! Ну и душитесь в своем экономе!

Но особенно приятны оказались проходы спутников из писательской делегации. Жабообразную толстуху едва кондрашка нехватила, когда она его увидела. Вся аж покраснела, глаза из орбит вылезли.

Критикесса тоже в лице переменялась, вскинула свою лошадиную голову, фыркнула и прошествовала мимо.

А стюардесса уже присела рядом с ним на корточки: вот за что ему еще нравилось летать по первому классу — ни в одном, даже самом дорогом ресторане тебя столь предупредительно не обслужат. «Меня зовут Александра, и пока мы не взлетели, — улыбнулась ему одному бортпроводница, демонстрируя и прекрасные круглые колени, и декольте, — я могу предложить вам игристое. А как только наберем высоту и начнем обслуживание, вы можете выбрать по меню ваши предпочтения по поводу обеда».

Когда-то Богоявленский очень короткое время, но встречался со стюардессой. Она рассказывала ему, что у них задача: «бизнес» как можно скорей напоить, чтобы они все спокойно отрубались в своих удобнейших креслах и больше не докучали.

А самолет рулил на полосу. За окном подмигивали аэропортовские огоньки. От шампанского в крови восхитительно заиграли пузырьки. А еще — от того, как он изящно обштопал коллег. Никаких денег за это не жалко.

Бортпроводница забрала у него пустой бокал, а сразу, как только взлетели, вновь принесла его полным. Интимно склонилась, спросила: «Что вы выбрали на обед?»

Богоявленский оценил диспозицию: девушка совсем не молода, около сорока. Наверняка разведенка, скорее всего, с ребеночком.

Когда-то он работал и близко дружил с режиссером Александром Борисовичем Славичем. Тот, большой охотник до дамского пола, цинично говорил: «Запомни, Богоявленский, после пятидесяти бесплатным сексом ты сможешь заниматься только с ровесницами». Наверное, Славич знал, что говорил, ведь ему в ту пору было уже за пятьдесят, а Богоявленскому — всего тридцать с хвостиком. (Ах, золотые деньки!)

Теперь ему самому — пятьдесят два. Значит, пророчество Славича начинает сбываться? Теперь ему за секс придется платить? Или всего два года после полтинника не считаются, и та же Сашенька-стюардесса полюбит его (учитывая ее сороковник и его пребывание в креслах для альфа-самцов) бесплатно? Он решил для себя, что успех вероятен — только вот кобелировать перед ней совершенно не хотелось. Утомился от долгой и тряской дороги — два с половиной часа пилили по не самым прекрасным трассам из металлургического поселка плюс неослабевающие думы о собственной работе. И больше хотелось посидеть покойно, тихо, попивая шампусик в удобном кресле, а не распушать перья перед случайной вертихвосткой.

Да, перстень, волшебный перстень! Когда он впервые услышал о нем, ему было лет четырнадцать, они ехали с отцом, матерью и сосунком-братом на собственных «Жигулях» к морю... Точнее, не «лет четырнадцать», а именно что ровно ему исполнилось. Окончен восьмой класс, сданы экзамены, и они отправляются не просто на море, а в Большое советское Путешествие, по сложному и солнечному маршруту: Москва — Киев — Одесса — Крым. Потом на пароме перебираются на Черноморское побережье Кавказа, затем от Новороссийска до Батуми, а потом через Грузию и Военно-Грузинскую дорогу — назад домой, в столицу мира и социализма. Чуть не последний нормальный советский год, в Кремле потихоньку умирает Черненко, и никто даже представить себе не может, что через каких-то семь-восемь лет эта Большая Советская Мечта разлетится в прах и пепел!

А пока они несутся по Симферопольскому шоссе, в «Жигулях» тринадцатой модели. Он выпросил у матери позволения сидеть впереди, рядом с отцом, на месте, как мама говорила, «генеральши». И никто не пристегнут, тогда и ремней безопасности, кажется, еще не было, а радио вещает программу из Москвы. Да, приемник в той «копейке» уже был, но ФМ-диапазона еще не существовало, ловились только средние и длинные волны, а это означало, что слушать можно лишь первую программу Всесоюзного радио да «Маяк»: всем осточертевшие вести с полей или происки империалистов.

Отец, не отрываясь от руля, крутит ручку приемника, как будто хочет найти что-то, кроме волн из Москвы, какой-нибудь «Голос Америки» или Би-би-си. Но — нет, все та же Первая программа. Обрывок объявления: «...турные чтения». И глубокий бархатный голос:

— Там волшебница, ласкаясь, мне вручила талисман...¹

Пушкин (узнает Богоявленский позже, из мемуаров и исследований) умел наводить тень на плетень, и совсем никакая не красавица (как явно намекал он на Элен Воронцову или Амалию Ризнич) дарила поэту пресловутый перстень. И совершенно не залогом любви он был, а символом иного братства...

Стихи юный Богоявленский не то чтобы тогда уже любил — жил ими, дышал. Он писал их, и целую коленкоровую тетрадку, перебеленную начисто угловатым, не устоявшимся почерком, он, в безумной идее, послал по почте, раздобывши адрес, поэту Вознесенскому — вдохновленный мемуарами, как тот некогда отправил свою тетрадь в четырнадцатилетнем возрасте Пастернаку. Помнится, те мемуары Андрея Андреевича начинались эффектной фразой: «Тебя Пастернак к телефону!»²

Когда юный Богоявленский выезжал с родителями на юг, никакого отзыва на его посылку не

¹ А. С. Пушкин. «Талисман».

² А. А. Вознесенский. «Мне четырнадцать лет».

было, хотя прошел уже месяц со времени отправления, и от этого все его стихи стали казаться глупыми, напыщенными, корявыми. «Если так и не ответит, — думал он, — не буду больше писать — никогда, ничего! Или даже лучше: приедем в Крым, и брошусь с обрыва в море! Если я в смысле стихов ничтожество, то зачем вообще тогда жить? Корпеть, пресмыкаться? Шаг с обрыва, мгновенная боль, и все! Родичи, вон, пусть Валюном своим утешаются, все равно они этого недоноска больше любят!»

Недоносок Валюн спал, разморенный, на заднем сиденье, положив голову на колени мамы, которая тоже дремала, и голова ее поматывалась. Мамочка сама порой вздрагивала, дергалась и засыпала снова — отец настаивал, чтобы выехали по утрунке, по холодку, поэтому вставали в пять, с птицами, но прокопались и стартовали только в семь. А по радио разливался советской чтец Дмитрий Журавлев глубоким и как бы задушевым голосом:

— От недуга, от могилы,
В бурю, грозный ураган,
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман!¹

А потом: «Вы слушали литературные чтения, передаем концерт по заявкам!»

Обедали в лесополосе, где-то в Калужской области. Мамочка накрыла на походном одеяле: тер-

¹ А. С. Пушкин. «Талисман».

мосы, жареная курица, бутерброды — тогда всюду ездили с сумкой-холодильником, полной столичных продуктов, надежи на провинциальные магазины и тем более кафе было мало.

Про запас у отца в багажнике стояли ровными рядами четыре канистры с бензином, распространяя на всю машину сладковатый аромат: кто знает, вдруг по пути следования возникнут перебои с горючкой? От советского быта всего можно ожидать.

После обеда отец, вдохновленный предстоящим отпуском, даже позволил четырнадцатилетке самому вести автомобиль. Сидел рядом, словно бы отстраненный, но напряженный, и иногда подсказывал старшему сыну, какую передачу включать. Валюн на заднем сиденье умирал от зависти и временами, когда Юрий бросал сцепление и «копейка» дергалась, отпускал ехидные замечания — а мама его одергивала.

— Что ты, Юрка, тащишься, как похоронные дроги!

— Валя, прекрати, ты же мешаешь брату!

В Киев прибыли уже затемно. Остановились на левом берегу Днепра в гостинице «Братислава», казавшейся тогда очень современной и модерновой. Вписаться в отель обычному путешественнику в советские времена было непросто, поэтому отец готовился к поездке несколько месяцев, планируя, кто из друзей или родственников сможет по пути следования помочь с жильем. В Киеве их опекала «тетя» Наташа, которая была никакая не тетя,

а однокурсница отца, распределенная в столицу советской Украины и сделавшая здесь недюжинную карьеру, но не по специальности, а по комсомольско-партийной линии. Мама, кажется, отца к веселой и певучей «тете Наташе» с выдающимся бюстом ревновала, но что она могла поделывать, если та обеспечивала им и жилье, и культурную программу. Отец, человек широкий и хлебосольный, умел дружить, всюду у него обнаруживались то товарищи по работе, то однокурсники, то бывшие сослуживцы.

На следующий день «тетя Наташа», взяв отгул, катала семью на катере по Днепру, прогуливала по Андреевскому спуску. Они обедали в ресторане, закрытом для обычных посетителей, ели борщ с пампушками. Взрослые пили горилку, а после, изрядно накирявшись, отец с Наташей дуэтом выводили украинскую песню:

Ой, Марічко, чичері, чичері-чичері,
Розчеси мня кучері, кучері-кучері.¹

Потом, когда прошли десятилетия, случился четырнадцатый год и «Крым наш», отец удивленно спрашивал Богоявленского: «Что это Наташа на мои звонки и письма не отвечает?»

— А ты сам подумай, пап...

Но весь тот день в июне восемьдесят четвертого для юного Богоявленского оказался окрашен в самые радужные цвета. Ему хотелось

¹ Украинская народная песня.

радоваться и обнимать весь мир. А все потому, что вечером в день приезда, когда они, пыльные и оглушенные дорогой, ввалились в двухкомнатный люкс «готеля» «Братислава», мама сразу принялась звонить домой, бабушке. У них существовала договоренность телефонировать или телеграфировать из каждого пункта их путешествия — до эпохи мобил и тотальной связи оставалось еще двадцать лет. Так вот, когда телефонистка короткими звонками в гостиничном номере дала знать — Москва на проводе, мамочка чуть более усталым, чем взаправду, голосом рассказала бабушке, что все в порядке и они устроились в Киеве. Потом спросила:

— Что нового у нас, кто звонил, не было ли писем?

Бабушку интригами и лестью заманили к ним в квартиру в Люберцы — пожить, пока они путешествуют, последить за жильем, поливать цветы, а главное, ухаживать за престарелой кошкой Маськой.

— Никто вам не звонил, пришла газета «Правда» и письмо — но Юре.

— Письмо Юре? — механически повторила мама, а Богоявленский уже вырывал у нее трубку: «Дай, дай мне!» — и лихорадочно стал выспрашивать у бабушки:

— Письмо? Мне? От кого?

— Юрочка, обратного адреса нет, просто подпись от руки чья-то.

— Ба, открой, пожалуйста, немедленно! — закричал в возбуждении Богоявленский, — И читай, читай вслух!

— Погоди, я возьму очки.

— Ох, еще эти очки!

— Сейчас, Юрочка, читаю.

На том конце провода — томительный треск разрываемого конверта, а потом голос бабушки, зачитывающий с выражением школьной учительницы — к концу он возвысился от гордости за внука:

— «Дорогой Юрий, я прочитал ваши стихи. И хотя в них есть еще много молодого, чрезмерно задорного и потому несовершенного, некоторые ваши вещи показались мне замечательными, а иные даже восхитительными. Прямо завтра я уезжаю на месяц за границу, а потом напишите или позвоните мне, буду ждать вас в гости, поболтаем». И тут номер телефона.

— Бабушка, бабушка, спасибо! — заорал тогда юный Богоявленский, сунул трубку напряженно караулившей рядом матери и заорал, запрыгал по номеру в гостинице «Братислава», будто забил решающий гол в кубке киевскому «Динамо».

— Чего Юрка бесится? — презрительно оттопырил нижнюю губу Валюн.

— Его стихи похвалили, — пояснил проинтуитивший фишку отец.

И хоть теперь, спустя тридцать с лишним лет, Богоявленский знал: кто только не слал в ту пору

своих стихов Вознесенскому, кого тот только не хвалил. Он вообще был весьма щедр на комплименты молодым, и предисловия им писал, и одобрительные стихи — и Б.Г., и Нине Искренко, — а все равно ведь до сих пор было приятно.

Жаль только, что карьера Богоявленского, как молодого поэта, хоть и начиналась столь впечатляюще, а пролетела быстро, завершившись меньше чем через десятилетие — ввиду естественных причин, вместе со страной.

А тогда судьба сулила юному Юре самые выгодные преференции: в семнадцать лет — первая публикация в «Юности», в восемнадцать — большая подборка в «Новом мире», в одном номере с солженицынским «ГУЛАГом». В девятнадцать — первая книга, сборник в «Молодой гвардии». И все это время, золотое свое десятилетие, он выступал, читал и в домах культуры, и на стадионах, а между делом учился на журфаке: денег — море разливанное, поклонницы, юная жена-поэтесса, рестораны, бега... Кончилось тем, что в девяносто втором он вместе со страной уперся в стену: Союза больше нет, стихи никому не нужны, жена изменяет, жизнь кончена.

Эти воспоминания пролетели в голове Богоявленского золотистым роем, во время второго и третьего бокала шампанского, пока самолет набирал высоту, а стюардесса раскладывала на его столике яства.

Блюда в бизнес-классах обычно подавали роскошные, на уровне лучших ресторанов, и при-

боры не голимый пластик, а настоящая сталь, и фарфоровые тарелки: сыры с медом, затейливый салат, парная рыба. Ах, как он правильно сделал, что доплатил за бизнес! Конечно, денег нет и не предвидится, но лучше он будет растрачивать кредит — однако пить, подобно горьковскому соколу, живую кровь, а не питаться падалью.

Советский Союз вообще много обещал Богоявленскому — и так бесславно распался! В СССР слишком многие прозябали, перебиваясь от зарплаты до зарплаты, выстаивая очереди за мясными костями. Хорошо в нем жилось только узкой прослойке: элите. Эти люди могли зайти в ресторан, когда хотели (а не когда имелись места), заселиться в любую гостиницу, купить (почти) любую книгу и посмотреть (почти) любой фильм. Они путешествовали через «депутатские залы» на вокзалах и в аэропортах, обедали в закрытых столовых и получали особенные продуктовые наборы. А входили в эту прослойку партийные деятели, депутаты, физики-ракетчики-оборонщики, начиная с доктора наук и выше, да врачи от бога. Была и другая группа сильных мира сего, всеми дружно презируемая: товароведы, официанты, автослесари. У них тоже не было по жизни никаких проблем, за исключением одной — с репутацией.

И, наконец, имелись те, кто получал вообще все: и славу, и деньги, и блага, и любовь народа. Деятели литературы и искусства (как их называли): артисты, телевизионные дикторы, компози-

торы. И, да, литература не случайно в том советском меме про «деятелей» шла на первом месте. Возглавляли ее «письменники», которые лабали ежегодно кирпич за кирпичом, издавались чуть не миллионными тиражами: Иванов, Сартаков, Марков. А еще — поэты, умело балансировавшие на грани дозволенного, переводимые на Западе и державшие кукиши в кармане. И вот, подумать только! Богоявленский беззаконной кометой легко ворвался в их число, но тут же, не прошло и десятилетия, крах-тибидох, — все кончилось, и пришлось на развалинах страны искать другие поприща.

Как всегда бывало во время работы, мысли об основном предмете никогда до конца не затмевались внешними соображениями или идеями, не затуманивались никаким шампанским, сколько бы он его ни выпил. Вот и сейчас волшебный перстень неотступно волновал воображение Богоявленского. Мелькнуло: если бы последний известный ему носитель кольца немного повременил со своим уходом в мир иной, протянул еще хотя бы десяток лет — он ведь мог вручить его Богоявленскому на самых законных, что называется, основаниях! Подумать только, уже в девяностом он числился самым что ни на есть ярким советским поэтом.

Но то-то и оно. СССР разлетелся на кусочки, и вместе с ним рухнула неписаная, никому не ведомая, но — *система*, по которой перстень передавался из рук в руки.

А теперь и вовсе — ищи-свищи...

Бортпроводница спросила, можно ли убрать еду. Он кивнул, оставив только тарелку с сырами. А игристое она уже подливала без спроса — какой там по счету бокал: пятый, шестой? Да ведь и льет до краев!

Голова ласково затуманилась, от вкусной еды и искристых пузырьков по телу разливалась приятная тяжесть.

И тут пришло в голову странное: а что, если тот перстень вовсе и не награда? Не первый переходящий приз?

Может, совсем наоборот, в **нем самом** заключена волшебная сила? И это **он** придает его носителю удачу и вдохновение?

Мысль была новой, неожиданной, и он даже потянулся ее записать — в те самые пресловутые «заметки» на телефоне. Кто знает, может, он завтра проспится и напрочь ее, эту идею, забудет? Хотя вряд ли. Мысль была богатой, роскошной: печатка и впрямь волшебная, она придает обладателю вдохновение и счастье.

Но тогда — еще сильнее нужно его желать! Больше усилий прикладывать, чтобы отыскать кольцо!

Чтобы немного охладить излишне разгорячившуюся голову, он взял из кармана переднего сиденья иллюстрированный журнал. Журналы вообще в последнее время совершенно скукожились и куда-то пропали — а ведь в начале нулевых он много с ними сотрудничал: мужские «Максим» и «Плей-

бой», женский «Космополитен», пижонский «Аристократ». Теперь только и остались эти бесплатные издания, разложенные в самолетах. Богоявленский стал бездумно перелистывать: заморские страны, моды, гороскоп, реклама, реклама... И вдруг — в фоторепортаже, явно заказном, о презентации какой-то новой коллекции чего-то там взгляд остановился на фото. Неизвестный ему актер, статный красавец в дымчатых очках, под руку с блондинкой позирует на фоне билборда с фирмами-спонсорами — ничего, казалось, особенного, подобных фотографий в номере — целый пучок, но... НО: актер держит руки скрещенными на груди, и на указательном пальце его левой руки Богоявленскому вдруг почудился он... Поэт придвинул фотографию к самым глазам, затем выхватил из кармана телефон, включил функцию «лупа». Сомнений быть не могло: это он, тот самый волшебный перстень, за которым Богоявленский так долго и бесплодно охотился.

Он посмотрел подпись под фотографией: «На премьеру пожаловал актер Андрей Грузинцев с супругой Владой» — и все.

Воровато оглянувшись — хотя никто, конечно, ему бы слова не сказал, — поэт рванул из журнала страницу, свернул ее вчетверо и спрятал в карман пиджака.

Воистину, если ты за чем-то всерьез охотишься и прилагаешь все силы для того, чтобы найти, однажды, в совершенно неожиданном месте и в небывалое время удача сама постучит в твои двери.

*История перстня — глава вторая.
Прошло три года
со времени первого явления кольца.
Почти двести лет назад: февраль 1823 года.
Российская империя, город Кишинев*

«Если ты и в самом деле чего-то ждешь и за чем-то охотишься, то, порой, сама судьба выбрасывает в своем фараоне именно эту счастливую карту».

Так думал молодой повеса, летя в пыли на почтовых...¹

Первая глава «Онегина» еще не была начата, но эти строчки уже странным образом жили в нем. Никто не знал пока, что когда-нибудь они разойдутся на цитаты.

А он летел, пусть и в пыли, но не на почтовых. Они скакали на *своих* — и потому, что путь предстоял недолгий, и потому, что на окраине империи ямские станции еще не получили столь широкого развития, как в центре ее.

Да и «повесой» Пушкина именовать было трудно. Несмотря на свои юные лета, всего двадцать три, он уже на всю Россию известный поэт. Молодежь переписывает в десятках списков его стихотворения, ноэли и оды. Вторая поэма, «Кавказский пленник», как и первая, про Людмилу и Руслана, уже прогремела в столице. На нее даже балет, как сообщали ему, Дидло успел поставить — с Истоминой в главной роли.

¹ А. С. Пушкин. «Евгений Онегин».

А официально Пушкин — коллежский секретарь с окладом семьсот рублей в год и проживает в доме черноморского наместника генерала Инзова, пользуется его гостеприимством и широчайшим доверием.

И еще — но об этом никто, кроме него самого и двух людей, занимающих наивысшие посты в империи, не ведает — он исполняет сугубо секретное поручение «полного» генерала, то есть генерала от инфантерии Милорадовича.

Для чего он согласился на предложение губернатора Петербурга? Из боязни каторги, ссылки, монастыря? Да, обидно в цвете лет оканчивать свои дни в кандалах. Но никто и никогда не смог бы обвинить Пушкина в трусости — трусом он не был. Всегда гордо и смело гарцевал навстречу любым опасностям. А поручение генерала принял на себя оттого, что в нем содержался своего рода вызов. Вдобавок то была еще одна возможность глянуть прямо в лицо опасности.

За те три года, что прошли с момента отъезда его из столицы, он многое увидел: Екатеринослав, кубанские степи, горы Кавказа, Тамань, море, Крым. И вот теперь — Кишинев. С очень многими людьми повстречался он за то время: офицерами, казаками, докторами на водах, черкесами, татарами, цыганами, жидами, румынскими боярами, лавочниками, рестораторами... Но вот только сейчас появилось у него первое подозрение: кто он, тот самый конфидендт иностранной державы, вынюхивающий, выискивающий тайны империи.

Сейчас они ехали бок о бок с ним в одной коляске. Пушкин изо всех сил подавлял желание схватить своего спутника, как собаку, за горло и гневно бросить ему в лицо обвинения.

Он видел титулярного советника Арбенева всего второй раз. Но и на Кавказе, когда они с генералом Раевским объезжали войска и встречались с Ермоловым, Арбенов зачем-то оказался рядом с ними. Очень интересовался боевым порядком российских войск. И зарисовывал (Пушкин сам видел) флеша и укрепления. Присматривался к вооружению казаков и солдат. И вот теперь он прибыл в Кишинев к Инзову, выпросил у него поездку по крепостям и укреплениям. И в этой поездке тоже: записывал, зарисовывал, всем интересовался, расспрашивал.

Но как доказать, что Арбенов — презренный шпион? Россия ведь не Турция и не Татария, чтобы без достаточных улик бросить подозреваемого в темницу. Мы — цивилизованное государство, и одних подозрений, пусть даже самых обоснованных, не довольно, чтобы обвинить несчастного. Значит, надо быть с ним рядом, ждать, чтобы Арбенов себя выдал. Недаром же Инзов направил Пушкина сопровождать того в поездке — значит, и генерал тоже питает подозрения по части титулярного советника?

Они возвратились в Кишинев.

Пушкин жил в доме Инзова, у него и столовался. Здесь же, по любезному приглашению генерала, остановился и Арбенов.

В прихожей, ввиду их прибытия, случилась суета; лакей объявил, что генерал просит их обоих пожаловать на ужин.

— У генерала еще гости? — отрывисто спросил Пушкин.

— Да-с! Полковник Рославлев из Петербурга, оне тоже остановились в доме генерала.

Сухо кивнув друг другу, они с Арбеновым разошлись по своим комнатам.

— Никита, подай умыться, — приказал Пушкин своему человеку и, когда вода явилась, стал смывать с себя дорожную пыль и грязь.

Спустя четверть часа он, переменяв платье, входил в гостиную Инзова. Арбенов уже оказался там. Он любезно разговаривал с новым лицом — очевидно, тем самым прибывшим из Петербурга полковником.

Хозяин дома представил их друг другу, не жалея красок, чтобы с лучшей стороны охарактеризовать Пушкина: великий и блестящий стихотворец наш и пр. Полковника звали Павлом Петровичем Рославлевым. Поэт поклонился ему и сразу заметил: на мизинце левой руки петербургского гостя блещет золотом перстень с иудейскими письменами — тот самый, что показывал ему три года назад в своем кабинете генерал Милорадович. Полковник понял, что Пушкин узрел сей тайный знак и коротко, но со значением кивнул ему.

Лакей провозгласил, что кушать подано, и общество перешло в столовую. После отменного

обеда, прошедшего в непринужденности, мужчины отправились в гостиную, чтобы выкурить по трубке.

Разговор касался до всего слегка. Греческое восстание занимало тогда общество, и немало слов было сказано о возмущении православных братьев против неверных. Инзов посетовал на большое число беженцев из Туретчины, к нуждам коих он, в роли наместника, относился со всем вниманием. «Как немецкие колонисты немало послужили к славе России, так и другие пришлецы, болгары с румынами, могут принести много пользы империи», — проговорил он.

Пушкин был рассеян. Мысль о возможном шпионстве Арбенева не оставляла его. К тому же знак в виде перстня, который подал ему прибывший полковник, очевидно, означал, что им необходимо побеседовать тет-а-тет.

— Господа, а не составить ли нам партию на биллиарде? — вдруг предложил полковник. Пушкин понял: это уловка ради того, чтобы остаться с ним наедине и обсудить касающиеся до них вопросы.

— Поедемте к Отону, — подхватил он (Отонем звался лучший ресторатор Кишинева).

Инзов сразу отказался, сославшись в шутку, что в его преклонные лета время после сытного обеда полагается проводить в объятиях Морфея. Однако Арбенев неожиданно поддержал предложение полковника.

Пришлось ехать втроем.

Велели закладывать, а когда рассаживались по коляскам, Пушкин, улучив минуту, шепнул полковнику:

— Вероятно, нам с вами надо поговорить наедине?

— Конечно. Но после. — Тот кивнул в сторону Арбенева, из чего поэт понял, что полковник также, из известных одному ему соображений, подозревает титулярного советника.

Поскакали в ресторацию. Арбенов велел подать жженки и, когда она явилась, буквально заставил Пушкина и полковника пить вместе с ним круговую.

Пушкин и полковник составили партию в бильярд. Арбенов, после выпитой жженки, вдруг опьянел — да и шампанское за столом у Инзова произвело на него известное действие. Он облакачивался на бильярдный стол и в упор, наклонившись, смотрел на бьющего, очевидно мешая ему. Полковник со всею вежливостью попросил его не мешать, однако Арбенов не унимался. В какой-то момент, схватив со стола шар, отлетевший после не совсем удачного удара Рославлева, он, пьяным голосом, провозгласил:

— Да как вы бьете! Вот как бить следует! — и рукою запустил шар по зеленому сукну. Шар ударил другие, отскочил и упал в лузу. Ясно, что игра смешалась и была испорчена. Полковник, вне себя от гнева, подошел к Арбенову вплотную и проговорил дрожащим от злобы голосом:

— Милостивый государь! Я, кажется, просил вас не мешать нашей игре!..

— Не мешать? А не то — что? — с глумливым вызовом ответил Арбенева.

— А не то я прибую вас! — выпалил полковник.

— «Прибую»? Вы сказали «прибую»? Да как вы смеете?! Я русский дворянин!

— Что ж, коль вы дворянин, вы всегда можете потребовать у меня удовлетворения. А я — я могу вам его дать.

— Хорошо же: я вас вызываю! — В последних словах и в самом виде Арбенева не было никакого намека, что тот находился во хмелю, как могло показаться еще минутой раньше.

Вечером полковник сошлись с Пушкиным в его комнате.

— Секундант его только что был у меня; я принял вызов; бьемся завтра на рассвете. Вы, Пушкин, станете моим секундантом?

— Я люблю кровавый бой; но не кажется ли вам, Рославлев, что Арбенева вызвал вас с умыслом? Пронюхал каким-то образом цель вашего приезда и только потому решил стреляться с вами. Вы ведь подозреваете его, как и я? Тоже считаете Арбенева конфидентом иноземной державы?

— Да, вы правы, Пушкин. Я здесь для того, чтобы, для начала, спросить вас о ваших подозрениях, и буде они совпадут с моими, учинить негласный обыск. И, если обнаружится что-то его компрометирующее, заковать Арбенева в железы и доставить в Петербург в крепость для дальнейшего дознания.

— Я тоже подозреваю Арбенева, однако теперь ваш стройный план весь идет насмарку. Я сам горяч и необуздан, мне позволительно, в жилах моих течет африканская кровь. Однако согласитесь: подлец преднамеренно, как говорят англичане, *провокатировал* вас. Подловил и вызвал. И что же теперь? Вместо кандалов и крепости ему светит быть, как герою, убитым в поединке! Либо, того хуже, он убьет вас и тогда сумеет безнаказанно скрыться!

— Ах, Пушкин, ни слова больше!.. Как вы правы!.. Я не смог сдержать себя; проклятая жженка ударила в голову!.. Что ж! Если завтра фортуна повернется ко мне спиной, вам предстоит закончить мое дело. И мы поступим вот как...

Наутро они съехались в роще на окраине города. На двух колясках прибыли полковник Рославлев, Пушкин в качестве его секунданта, а также доктор Петр Иванович Шрейбер, добрый знакомый Инзовых.

Арбенов пригласил себе секундантом поручика Таушева.

Бились на пятнадцати шагах. Секунданты проверили пистолеты.

Прозвучала команда: «Сходитесь!»

Полковник выстрелил первым. Пуля лишь оцарапала щеку Арбенева. Он отшатнулся, а затем прицелился и выстрелил в повернувшегося боком Рославлева. Пуля ударила ему прямо в висок. Он повалился наземь.